

К 50-летию Великой Победы

Рассказывают ветераны

Война застала меня под Харьковом в Роганьском гарнизоне. Немцы бомбили наш аэродром и военный городок ежедневно. Нас удивляла точность их ударов. Однажды ночью мы увидели свечение над Домом Красной Армии. Стало понятно, что кто-то фонариками указывает немцам цели.

На следующий день нам было приказано обыскать дома внутри гарнизона и «прочесать» лесопосадки вокруг городка. Мы прошли вдоль аэродрома. Вскоре начался налет немецкой авиации. Близость разрывов вселяла страх, но мы не имели права прятаться и продолжали путь.

Наступили сумерки. Мы добрались до конца намечен-

ного участка и хотели возвращаться, как вдруг увидели под укрытием работающего радиста. Он не почувствовал нашего присутствия. И когда мы бросились на него, даже не успел применить оружие. Трудно было с ним справиться — уж очень здоров был. Мужчины держали его, а я связывала ему руки.

Доставили наводчика в контрразведку. Но как только вошли в кабинет к начальнику, немец упал на пол словно в сильном припадке эпилепсии. Я бросилась к нему со стаканом воды. Начальник выбил у меня из рук стакан: «Смотри внимательно. Он где-нибудь ошибется!» Вскоре начальник сказал немцу: «Все! Допущено три ошибки. Вставай!»

После допроса начальник сказал мне: «Никогда не давай волю эмоциям! Учись внимательно смотреть. Смотреть и видеть! Видеть и запоминать! Запоминать и анализировать окружающую обстановку и поведение людей. Это обязательно всегда!»

Позже, работая помощником начальника отдела кадров при заместителе командующего войсками военного округа и начальником отдела кадров различных вузов в Москве, в течение почти 40 лет я помнила этот совет и старалась быть внимательной к людям.

Поздравляю коллектив ВЗИНТА и всех фронтовиков с пятидесятилетием Победы словами одного фронтового поэта:

Из прошлых лет, из старины,
Был ценен человек друзьями.
Останьтесь этому верны.
Друзья! Храните честь и память.

Е. С. ЛАПИНА,

Я воевала в 308 стрелковой дивизии под командованием Л. Н. Гуртьева.

В сентябре 1942 г. мы переправились на правый берег Волги в Сталинград. Мы увидели город, обвятый дымом и пламенем. Сотни немецких самолетов с раннего утра до позднего вечера бомбили наши передовые порядки. Разрывы, как огненный лес, покрывали всю территорию. Страшный грохот сотрясал землю и воздух. Горели корпуса заводских зданий, земля и может быть, сама Волга. Казалось, в этом крошечном аду не осталось что-либо живого. Однако бойцы и командиры отбивали одну за другой вражеские атаки.

Мы, медицинские сестры, в касках, с санитарными сумками, чумазые от пыли, дыма, крови и пота, где перебегая от укрытия до укрытия, а где ползком спешили на голос бойца, звавшего на помощь. Под разрывами бомб, под свист пуль перевязывали раненых и выносили их в укрытие.

Особенно намятен день 17 октября, когда наш полк был почти окружен. Оставался небольшой проход к Волге, но ни у кого и в мыслях не было уйти в тыл на левый берег.

К исходу дня немцы были отброшены. Многих боевых друзей, подруг не стало среди нас. Погибла Нина Дриго, которая вместе с ранеными и бойцами из штурмовой группы отбивалась от немцев, пытавшихся захватить здание электростанции.

Вечером мы выносили раненых к берегу Волги. Подошел катер. Только начали эвакуацию — фашисты открыли по переправе минометный огонь. Останавливаться нельзя, надо быстрее закончить погрузку раненых.

Я работала в паре с Лидой Шелиповой. Когда несли раненого на носилках, рядом разорвалась мина. Меня отбросило. Поднялась с трудом, ничего не слышу, только чувствую — земля содрогается от разрывов. Лида лежала, я подошла к ней. Подняться она не могла, так как была ранена в ногу. Перевязала я ее, матросы помогли перенести Лиду и остальных раненых на катер.

Вражеские мины продолжали разрываться на всем пути катера к левому берегу, где его ждали девушки из медсанбата, чтобы сопровождать раненых дальше.

Н. Н. ЕМЕЛЬЯНОВА,

В ноябре 1939 г. я оказался в 98 гаубичном артиллерийском полку 97 стрелковой дивизии на западной Украине.

Рано утром 22 июня 1941 г., когда только-только начался рассвет, вдруг сигналист заиграл боевую тревогу. Мы выбежали из палаток. Над лагерем летали самолеты с черными крестами на крыльях (потом мы узнали, что это «Мессершмиты»), но не стреляли. Видно, в полумраке не могли обнаружить место расположения лагеря.

Приготовив пушки в походное положение, мы

пошли в сторону границы. При этом никто не почувствовал ни звука, что началась война. Думали, что идут общевойсковые маневры. Через несколько километров самолеты со свастики начали бомбить и обстреливать нашу колонну. Вот тогда мы поняли, что это — война.

Вскоре пришлось отражать одну за другой атаки превосходящих сил немецких войск, пытавшихся форсировать небольшую пограничную реку Сан. Когда пехота отбрасывала немцев контратакой за границу, вели огонь с закрытых позиций, а когда немцам удавалось местами форсировать реку, стреляли по ним прямой наводкой с расстояния 400—600 м. Причем вели огонь настолько плотный, что стволы пушек раскалялись докрасна. Так стояли мы на границе два дня. За это время вода в реке стала от крови розовой. Пехота потеряла примерно половину личного состава, мы, артиллеристы, — около трети.

Не получая свежих подкреплений, на третьи сутки наши части с тяжелыми боями отошли от границы.

После войны вернулся в институт. Учиться было трудно, так как многое из прежних знаний забылось. Окончил институт, аспирантуру, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, стал профессором. Но военные дни забываются, хотя прошло уже полвека, и военная закалка обязывает с той же ответственностью, что и на войне, относиться к порученному делу.

Н. А. РОТАНОВ,
бывший артиллерист